

УДК 378.147:811'23

Елена Сергеевна Краус,
кандидат психологических наук, доцент
кафедры фонетики и грамматики испанского языка,
Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Беларусь
lisa_85@tut.by

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ СФОРМИРОВАННОСТИ НАВЫКОВ ГОВОРЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена проблеме речемыслительного процесса, в частности, говорению на иностранном языке. Рассматриваются этапы порождения высказываний на родном и иностранном языках. Предпринимается попытка очертить критерии, по которым можно было бы судить об уровне владения иностранным языком. Особое значение при оценке успешности говорения на иностранном языке отводится участию в речемыслительной деятельности системы родного языка.

Ключевые слова: речемыслительная деятельность; говорение; иностранный язык; влияние родного языка; владение иностранным языком; критерии оценки; успешность говорения на иностранном языке; темпоральные характеристики речи.

Elena S. Kraus,
*Ph.D., Associate Professor of Phonetic and Grammar of the Spanish Language
Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus*

CRITERIA FOR THE ASSESSMENT OF SPEAKING SKILLS IN A FOREIGN LANGUAGE

The article deals with the problem of cognitive processes in speech production. We discuss the stages of speech production in native and foreign language and attempt to outline the criteria that can be used to assess foreign language proficiency. Special attention in assessing foreign language skills is paid to the application of native language code as well as the difficulties in switching between different language codes.

Key words: cognitive processes; speech production; foreign language; native language influence; foreign language proficiency; assessment criteria; foreign speech production success; temporal characteristics of speech.

Выступая в качестве участника общения, делясь своим мнением, произнося реплики, мы не задумываемся над тем, что за звучащей фразой скрывается череда энергозатратных речемыслительных операций. Речь как один из видов деятельности, по сути, являет собой систему с собственным строением, логично выстроенными переходами от одного этапа к другому. Сбой же на любом этапе отразится на результате произносимого высказывания.

В разработке проблемы взаимодействия мышления и речи, в том числе порождения речи основополагающими выступили идеи Л. С. Выготского. Они и станут отправной точкой в рассмотрении данной темы. Согласно его концепции в психике сосуществует два плана речи – внутренний и внешний.

«Внешним словам» предшествует этап возникновения мотива, оформления мысли по линии значений «внутреннего слова» [1]. Выходит, именно во внутренней речи, своеобразии которой видится в свернутости, фрагментарности, обобщенности, происходит перевод имеющихся в сознании совокупности смыслов в организованную последовательность значений, то есть свершается рождение будущего высказывания [2].

Здесь стоит развести понятия «значение» и «смысл». Смыслы, как и значения, связаны со всеми компонентами структуры сознания. Однако значение рассматривается как устойчивая система связей и обобщений, стоящая за словом [1; 3] и не зависит от ситуации. Опосредствование значений в индивидуальной психике системой отношений ее «носителя» к действительности [2] определяет «смысл». Смысл характеризует индивидуальную, ситуативную специфику отражения. Стало быть, эффективность коммуникативной деятельности зависит от успешности взаимной трансформации значений и смыслов.

Со временем положения культурно-исторической психологии были пересмотрены, уточнены характеристики внутренней речи, модели речепорождения предстали в более развернутом виде. Н. И. Жинкин, например, предположил, что внутренняя речь реализуется через универсальный (несловесный) предметный код [4]. То есть мысль может формулироваться до языка и речи. Недостаточным для функционирования внутренней речи одного знакового компонента психики считает и Н. Т. Ерчак, точки зрения которого мы и будем придерживаться. Видение ученым данного феномена заключается в динамическом единстве знакового, образного и эмоционального компонентов [2; 5]. При этом удельный вес каждого компонента зависит от характера решаемых задач. В целом, исследователи постепенно отошли от изучения «внутренней речи» в плоскости только речевого мышления [6]. Кроме того, не все так неоспоримо и с позиции применения терминологии для определения центрального внутриречевого звена. Во-первых, во избежание подмены понятием «внутреннее говорение» понятие «внутренняя речь» зачастую требует уточнения. Во-вторых, касательно отнесения знаков, образов, эмоций к компонентам чисто «внутренней речи» также возникают вопросы. Выделение «эмоций» как отдельного психического процесса, «образа» как результата отражаемой действительности, составляющего содержание психики, «эмоциональной и образной видов памяти» – указывает на то, что эти компоненты имеют более обширные связи со структурами сознания. Для решения многих противоречий в рассматриваемом феномене выдвинуто предположение об излишнем использовании укоренившегося в психологии термина «внутренняя речь». При восприятии и порождении речи даже на родном языке «перевод» линейно представленных звуков или морфем в сжатый, понятный только нашему сознанию, сигнал, вероятно, происходит в давно известном науке «мышлении» [7]. А единицей мышления в свою очередь выступает мысль, которая при возникновении мотива и формулируется, воссоединяя образы, эмоции и знаки в их индивидуальном сочетании.

Итак, принимая во внимание отмеченные выше особенности функционирования внутриречевого звена, рассмотрим более подробно структуру речевого акта.

Раздражитель любой модальности (реплика собеседника, звук, зрительная ситуация), выступающий в качестве стимула, запускает процесс создания замысла. Следующей задачей является формирование мысли (смысла), раскрытие замысла, или, иными словами, представление пространственно-понятийной схемы будущего высказывания. В тесной взаимосвязи смыслообразующей и формулирующих фаз происходит синтаксическая и последующая лексико-грамматическая организация элементов, то есть далее семантические единицы наделяются грамматическими характеристиками. Полагается, что на этом этапе одновременно актуализируется механизм выбора слов, механизм временной развертки и артикуляционная программа. Завершается же процесс производства речи моторным программированием и выходом речи [8; 9].

Более того, путь от мысли к озвученному слову сопровождается механизмом субъективного прогноза и контролем. Поэтому в течение всего трудоемкого процесса речепорождения могут вноситься коррективы. Роль вероятностного прогнозирования речевого поведения [10], видится в предопределяющем влиянии предшествующего выбора слов и грамматических конструкций, досознательном состоянии готовности использовать те или иные речевые стереотипы в ситуации общения с учетом контекста. Постоянное присутствие обратной связи или контроля, в свою очередь, объясняется необходимостью проверки выполнения речевых действий, поиска и отбора более точных компонентов высказывания. Контроль языковой правильности высказывания связывают с «чувством языка». По словам Г. В. Ейгер, речь идет о механизме сличения и оценки соответствия значения и/или формы некоторой языковой структуры эталону в языковой памяти человека и замыслу в целом [11].

В литературе встречаются и другие модели, теории речепорождения [12; 13; 14; 15; 16], но все они, в сущности, отражают единое направление в объяснении речемыслительной деятельности и больше дополняют и уточняют друг друга, чем противоречат друг другу.

Исходя из сложности и многоуровневости процесса выражения мыслей словами, возникает вопрос об оценке успешности протекания речемыслительной деятельности при говорении на родном и иностранном языках. Какими критериями следует оперировать, чтобы получить объективные результаты, в частности, об уровне владения индивидом иностранным языком?

Говорение на родном языке зачастую происходит без особых препятствий за счет автоматизированности процессов на всех четырех уровнях обработки: семантическом (формирование смысла высказывания), синтаксическом (организация грамматической структуры запланированной речи), морфологическом (ввод морфем в грамматическую структуру), фонологическом (ввод фонем). Кроме того, внутренний лексикон родного языка содержит большой процент клише, стереотипных словосочетаний, которые используются первостепенно, экономя энергию говорящего. Исключение составит, вероятно, говорение в сос-

тоянии усталости, эмоционального выгорания или возбуждения. По вышеуказанным причинам характеристики речи на родном языке берутся за эталон владения языковой системой. В случае с иностранным языком все выглядит намного сложнее.

На начальном этапе изучение иноязычной системы осуществляется с опорой на уже усвоенную структуру родного языка. Так, родной язык словно навязывает свое присутствие в сознании, минимизируя усилия говорящего и «мнимо» упрощая речемыслительную деятельность. Согласно ранее рассмотренному процессу порождения высказывания, мысль, в таком случае, изначально формулируется с участием более совершенного средства общения и по его нормам. В идеале же формулирование мысли должно происходить в индивидуальном сочетании образов, эмоций и знаковой системы иностранного языка. Последнее возможно при достижении индивидом беспереводного уровня владения иностранным языком путем речевой практики, накопления богатого опыта ситуативной и контекстной речи.

Итак, речемыслительная деятельность при говорении на иностранном языке (при переводном и частично-переводном уровне владения) усложняется вмешательством «внутреннего перевода», а именно, актуализацией знаковой системы родного языка. Участие дополнительного звена в процессе речепорождения находит отражение в качественно-количественных характеристиках иноязычного говорения.

Прежде всего обратим внимание на темпоральный параметр, позволяющий оценить скорость протекания мыслительных операций, и косвенно указывающий на сформированность навыков говорения [5; 8]. С целью изучения речи биллингов темпоральные характеристики речевых высказываний на родном языке принимаются за эталон, с которым сравниваются значения тех же характеристик речи на другом изучаемом языке. В большинстве исследований для оценки участия родного языка в процессе говорения на иностранном языке замеряется латентный период – период от начала сигнала (стимула) до начала реакции. Данный параметр зависит от автоматизированности процессов порождения иноязычной речи, то есть от степени усвоенности материала, не без учета количества употребляемых лексических единиц, их сложности и правильности. В диагностике уровня знаний, умений, навыков он приобретает особую важность. Ведь при изучении иностранного языка в искусственных условиях высшего уровня усвоенности материала достигнуть не просто. Значит, в таком случае, и темпоральные показатели речемыслительных процессов на иностранном языке по сравнению с родным языком будут отличаться. Это предоставляет возможность выдвинуть предположения о стадиях, стратегиях, используемых индивидом для обработки информации на иностранном языке, а также исследовать влияние структуры родного и других изучаемых языков на порождаемую иноязычную речь.

Взаимопонимание людей в процессе общения зависит и от темпа речи. Неудачи в коммуникации часто объясняются быстрым темпом говорения носителей языка. В реальности же причина таковым кроется в недостаточном уровне владения соответствующим темпом речи.

На сегодняшний день имеются экспериментальные данные о медленном, среднем и быстром темпе говорения на белорусском, русском, английском, немецком, французском языках. Средние величины темпа речи на разных языках при этом оказываются близкими, если за единицу измерения брать количество слогов в секунду [17]. Однако, измеряя данный параметр, следует учитывать индивидуальные особенности темпа речи, его преднамеренное или непреднамеренное изменение в процессе общения, зависимость от стиля и смысловой нагрузки речи, эмоционального отношения говорящего к сообщаемому. Несмотря на вышеизложенное, оценка уровня владения субъектом иностранным языком по беглости его речи все же возможна.

Латентный период, беглость речи – не все темпоральные характеристики владения иностранным языком. Богатейшим материалом для анализа является наличие в устной речи, особенно спонтанной, пауз хезитации (пауз колебания). Согласно экспериментальным данным, прерывание речи вызывается как внешними, так и внутренними причинами. К первой группе относятся факторы, связанные с ситуацией, условиями общения, возрастом собеседников. Факторы же второй группы объясняются самочувствием говорящего (физиологическая природа факторов), нервозностью, особенностями памяти (психологическая природа), социальным статусом (социальная природа), маленьким словарным запасом или нежеланием что-либо говорить (индивидуальная природа).

Паузы хезитации из-за их свободной дистрибуции, большой длительности, неинформативности зачастую ассоциируются непосредственно со сложностями в планировании текущего высказывания. Однако, нельзя не учесть и большой спектр позитивных функций пауз колебания. Будучи семантически опустошенными, они помогают замаскировать речевые мучения говорящего, служат словами-заполнителями, поддерживают внимание слушающего и, самое важное, предоставляют время для ориентировки в ситуации, в принятии решений содержательного, синтаксического характера [18]. Представляя собой спонтанную остановку информационного потока, паузы хезитации встречаются на всех этапах порождения речевого высказывания и совместно с другими темпоральными характеристиками речи могут свидетельствовать об успешности или неуспешности протекания ментальных процессов. Поэтому, их изучению должно уделяться должное внимание.

Пожалуй, более значимыми окажутся качественные характеристики речевых реакций на иностранном языке.

При осуществлении коммуникативной деятельности перед билингом ставится задача передать содержание мыслей (образов, чувств, эмоций) средствами другого языка. Языки же могут иметь различные лексические и грамматические значения, различаться в парадигматике и синтагматике. Поэтому при говорении на иностранном языке следует избегать излишнего вмешательства «внутреннего перевода». Перевод с одного языка на другой не всегда может быть реализован как простой переход от поверхностной структуры одного языка к поверхностной структуре другого, хоть и в соответствии

с определенным набором усвоенных правил, ассоциативных связей и речевых автоматизмов. Даже если структура фраз на родном и иностранном языке не различается, облегчая задачу говорящему на двух языках, адекватность передачи мысли находится в прямой зависимости от выбора соответствующей контексту и ситуации иноязычной лексики. Выходит, при выражении мыслей, репрезентируемых в сознании, в соответствующую словесную форму должны наблюдаться смысловые замены и порядок слов в предложении отличный от такового в системе родного языка.

Кроме того, последовательное замещение единиц родного языка словами-эквивалентами иностранного языка, ошибки как лексико-грамматические, так и фонетические, свидетельствуют не только о несовершенстве знаний теоретического материала или участии «внутреннего перевода», но и о попытке избежать отразить в сознании смысл исходной фразы в заданиях на перевод с одного языка на другой. Подобный подход к обработке поступающей извне информации становится препятствием на пути к совершенствованию умений восприятия иноязычного материала.

При говорении на иностранном языке в условиях ограничения во времени возникают затруднения и иного характера. При достижении беспереводного уровня владения иностранным языком и достаточном стаже переводческой деятельности формируются и функционируют такие же прочные связи знака иностранного языка с образной и эмоциональной сферами, какие существуют в мышлении на родном языке. Несформированность же навыков быстро облучать смыслообразующие элементы в соответствующую словесную оболочку иностранного языка повлечет за собой отказ от говорения или же незаконченные высказывания. В дополнение, в условиях, когда говорение на иностранном языке уступает таковому на родном, требуется больший расход энергии, становясь причиной быстрого утомления и нарушения оптимального протекания задействованных в деятельности операций [5]. Поэтому вероятное истощение энергопотенциала также послужит появлению в иноязычной речи оговорок, ошибок, лексических единиц на родном языке. Последнее, в свою очередь, укажет на факт функционирования в сознании говорящего одной когнитивной системы, в которой знаковые компоненты родного и иностранного языков взаимодействуют и часто взаимозаменяют друг друга в речемыслительной деятельности. Однако полноценное владение обоими языками предполагает разделение двух языков у билингвов при единой образной и эмоциональной сферах [5].

Характеристика лексико-грамматического наполнения иноязычных высказываний будет неполной без рассмотрения употребляемых говорящим временных форм иностранного языка. Данная грамматическая категория информирует об успешности пространственно-временного восприятия смысла сообщения, глубине понимания взаимоотношений между субъектом и объектом в ситуации. Целостное и динамическое отражение действительности способствует адекватному выстраиванию событий по временной оси. Если же внимание концентрируется не на сути передаваемого сообщения, а на отдельных элементах предложения, мучительном подборе лексических единиц, то и вероятность появления несоответствующих ситуации временных форм повышается.

Обобщая вышесказанное и подводя итог, следует сказать, что речевое высказывание представляет собой результат скрытого от глаз многоступенчатого процесса. Свернутая, понятная только для себя мысль, репрезентируемая в сознании динамическим сочетанием образов, эмоций и знаков, превращается в понятный для других лексически и грамматически правильно выстроенный набор слов определенного языка. Рассмотрение этапов порождения речи позволило выявить интерферирующий и порой деструктивный элемент успешного говорения на иностранном языке. Помимо прочной фиксации в памяти лексических единиц иноязычной системы, знаний грамматических правил и умений их использовать, порой участие родного языка на этапе создания и раскрытия замысла определяет скорость и адекватность построения фразы на иностранном языке. При этом при оценке сформированности навыков говорения на иностранном языке объективными и, на наш взгляд, достаточно информативными выступают следующие критерии:

- 1) темпоральные характеристики говорения (латентный период, темп речи, паузы хезитации);
- 2) структура порождаемых высказываний;
- 3) количество отказов от говорения и незаконченных фраз;
- 4) соответствие фраз нормам иностранного языка (оговорки, ошибки);
- 5) количество «вкраплений» слов на родном языке в процессе иноязычного говорения;
- 6) употребление временных форм глаголов.

Перечисленные параметры выделены небезосновательно и могут использоваться как при организации учебного процесса на этапе контроля навыков говорения, так и при планировании экспериментальных исследований по вопросам владения и овладения иностранным языком.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Выготский Л. С. Мышление и речь : сборник. М. : АСТ : ХРАНИТЕЛЬ, 2008. 668 с.
2. Ерчак Н. Т. Психология профессиональной речи учителя : учеб.-метод. пособие. Минск : МГЛУ, 2004. 143 с.
3. Лурия А. Р. Язык и сознание. М. : МГУ, 1979. 320 с.
4. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М. : Наука, 1982. 159 с.
5. Ерчак Н. Т. Иностранные языки: психология усвоения : учеб. пособие. Минск ; М. : Новое знание : ИНФРА-М, 2013. 336 с.
6. Wiley N. Inner speech as a language: A Saussurean inquiry // Journal for the theory of social behavior. 2006. Vol. 36, iss. 3. P. 319–341.
7. Ерчак Н. Т. Иноязычная внутренняя речь как цель обучения иностранному языку // Современное языковое образование в контексте международных интеграционных процессов: состояние и перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17-18 дек. 2015 г. : в 2 ч. / Мин. гос. лингв. ун-т ; редкол.: Т. П. Леонтьева (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2017. Ч. 1. С. 116–118.
8. Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку: на материале русского языка как иностранного. М. : Рус. яз., 1989. 219 с.
9. Зимняя И. А. Функциональная психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка // Исследование речевого мышления в психолингвистике / Т. В. Ахутина [и др.] ; отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М., 1985. С. 85–99.

10. Фрумкина Р. М. Вероятностное прогнозирование в речи. М. : Наука, 1971. 199 с.
11. Ейгер Г. В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков : Основа, 1990. 184 с.
12. Ахутина Т. В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. 4-е изд. М. : URSS : Либроком, 2012. 215 с.
13. Залевская А. А. Введение в психолингвистику : учебник. 2-е изд. испр. и доп. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. 560 с.
14. Леонтьев А. А. Психолингвистические модели и теории порождения речи // Введение в психолингвистику : хрестоматия / сост. А. П. Клименко, А. В. Посох. Минск, 2005. С. 22–44.
15. Levelt W. J. M. Models of word production // Trends in Cognitive Sciences. 1999. Vol. 3, iss. 6. P. 223–232.
16. Dell G. S. A spreading-activation theory of retrieval in sentence production // Psychological review. 1986. Vol. 93, № 3. P. 283–321.
17. Бенедиктов Б. А. Психология овладения иностранным языком. Минск : Выш. шк., 1974. 336 с.
18. Александрова О. А. Речекоммуникативный статус паузы колебания : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. В. Новгород, 2004. 20 с.